

Р.А. Симонов, д.и.н., Москва

О НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО «ПРОСТРАНСТВА» ДРЕВНЕЙ РУСИ: К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ СИМВОЛИКИ

Основными источниками изучения русской геральдики, эмблематики и символики являются гербы, эмблемы и символы, а также их описания. Они рассматриваются исследователями в контексте существующих научных концепций культуры тех исторических периодов, к которым относятся сохранившиеся исторические источники. Чем адекватнее соответствующие концепции, тем точнее можно осуществлять конкретный исторический анализ гербов, эмблем и символов и давать правильную оценку их научного значения.

Важные последствия в этом процессе имеют пересмотры существующих представлений о ментальности культуры в определенные исторические периоды. В указанной связи заслуживают внимания исследования В.В. Милькова о религиозно-философской мысли Древней Руси X-XV вв., по совокупности которых им была недавно защищена докторская диссертация (1).

Основная заслуга В.В. Милькова, как исследователя религиозно-философской мысли Древней Руси, заключается в глубокой проработке идейного наследия средневековой эпохи. Он высоко оценивает уровень культурного развития Древней Руси и с тонким пониманием своеобразия средневековой эпохи доказывает непреходящее значение достижений отечественной религиозно-философской мысли.

Данный аспект представляется актуальным, ибо в отечественной историографии с начала XVIII в. сформировалось обскурантское отношение к культуре допетровской Руси, как крайне отсталой, невежественной, лишенной элементов философского просвещения (2, с. 1). П.Я. Чаадаеву принадлежит уничтожающая характеристика Руси как страны пребывавшей в варварстве и тупой неподвижности (3, с. 324-328). Ученик и последователь П.Я. Чаадаева К.Д. Кавелин в произведении «Философия и наука в Европе и у нас» утверждал, что философия у всех народов является показателем умственной жизни и только на Руси она не стала предметом серьезного интереса (4, с. 179). В начале XX в. Г.Г. Шпет развивал мысль о том, что введение христианства на славянском языке отсекло Русь от университетски-образованного латинского Запада. Ему принадлежит роковая метафора о «невегласии» (невежественности) русского средневековья, которое не способствовало зарождению философии (5, с. 20-54).

В XX в. в отечественной историографии победила тенденция отказа от категорических установок Кавелина-Шпета, однако на Западе такой подход продолжает разрабатываться, иногда приобретая скандальные формы. Так, на IX съезде славистов в Киеве в 1983 г. бельгийский ученый Фр. Томсон выступил с докладом, в котором обосновывал интеллектуальную слабость и мракобесный характер культуры допетровской Руси. Он попытался реанимировать шпетовскую характеристику интеллектуального отставания Древней Руси. При этом основным критерием Фр. Томсон считал недостаточную эрудицию, которую якобы проявляли древнерусские писатели (6, р. 73). В своих работах, особенно последнего времени, Фр. Томсон менее решительно заявляет себя идейным последователем Кавелина-Шпета. Возможно, отход от прежней категоричности обусловлен его знакомством с творчеством Кирика Новгородца, в особенности с «Вопрошанием». В настоящее время усилился интерес к этому произведению, о чем, в частности, свидетельствуют и работы В.В. Милькова, посвященные творчеству выдающегося средневекового ученого-мыслителя, и диссертация В.О. Парфененкова, защищенная в Санкт-Петербурге в 1999 г. (7), а также ряд других публикаций.

Если В.В. Мильков в произведениях Кирика находит отражение пифагорейской методологии, высокой европейской учености и западного церковного права, то с точки зрения предшествующей историографии «Вопрошание» является оригинальным произведением, типа духовного дневника, куда Кирик заносил почерпнутые из книг и бесед ответы на вопросы, которые возникали у него в процессе исповедальной деятельности и общения с иерархами, в том числе, и с признанным современниками философом, киевским митрополитом Климентом Смолятичем. Так выявляются разные грани творчества нашего замечательного предка. В выявлении философской грани его творчества большая заслуга принадлежит В.В. Милькову. К характеристике Кирика Новгородца добавляется следующее: изучение источниковедческой базы «Вопрошания» показало, что Кирик использовал труды византийских отцов Церкви: Василия Великого, Тимофея Александрийского, Иоанна Постника и др. Причем есть основание считать, что он знакомился с греческими оригиналами произведений, а не с их славяно-русской версией. Во всяком случае, опыт Кирика свидетельствует о том, что устарел существующий стереотип, ограничивающий древнерусский тезаурус рамками переводной литературы. Возможно, этот тезаурус был значительно шире, включал в себя произведения религиозно-философской мысли на иностранных языках.

Возвращаясь к проблеме непреходящего значения духовного наследия Древней Руси, на чем неоднократно акцентирует внимание В.В. Мильков, напомним о скандальном резонансе опубликованной недавно (1997 г.) работе американского ученого Ричарда Хелли. Отстаивая положение о полуграмотном характере древнерусской культуры, он не только опирался на идею Кавелина-Шпета об отсталости умственной деятельности на Руси, но по-новому пытался объяснить принципиальную, по его мнению, не-

восприимчивость к философской мысли древнерусского человека нейропсихологическими особенностями головного мозга (8, р. 146-165). Вяч. Вс. Иванов, полемизируя с Р. Хелли, разработал нейропсихологическую модель мозга русского средневекового монаха. Применительно к этой модели им разграничены знаковые системы, равномерно связанные с обоими полушариями, а не преимущественно с правым, так считал Р. Хелли. Тем самым Вяч. Вс. Иванов показал обоснованность мнения об изначальной биологической неспособности русского человека к мыслительной деятельности, его обреченности обходиться исключительно образным восприятием (9, с. 161-202).

Ответом на одиозные оценки русского средневековья Г.Г. Шпетом, Фр. Томсоном и Р. Хелли являются фундаментальные работы исследователей Древней Руси, к числу которых несомненно относятся и труды В.В. Милькова. Наскоки некоторых западноевропейских ученых на русскую культуру одним людям могут показаться смешными, а другим - злонамеренными, даже смехивающими на проявления информационной войны. Однако за этими случаями надо также видеть нашу вину и беду. Как правильно сказал Г.М. Прохоров по поводу выступления Фр. Томсона, «мы плохо представляем себе кругозор писателей и читателей Древней Руси» (10, с. 3). Благодаря работам В.В. Милькова, мы теперь значительно лучше представляем себе кругозор писателей и читателей Древней Руси. Это произошло благодаря расширению источниковой базы за счет неканонического духовного наследия, апокрифической книжности, включая отреченные знания, а также еретических и языческих идейных традиций.

В результате В.В. Мильков пришел к обоснованному заключению о существовании особого древнерусского этапа в истории русской философии, охарактеризовав религиозно-философское «пространство» Руси. Оно весьма доказательно представляется значительно неоднородным, имевшим несколько устойчивых традиций отечественной мысли. Очень интересными и ценными являются те его работы, в которых исследуется кирилло-мефодиевская традиция, которая распространяла в обществе высокоинтеллектуальные философские импульсы.

Эта традиция, как убедительно показал автор, воплощала теолого-рационалистическое направление древнерусской мысли. Его яркими представителями были Иларион, митрополит Никифор, Кирик Новгородец, митрополит Климент Смолятич и др. Не вызывает сомнений и другой концептуальный постулат В.В. Милькова, согласно которому на смену кирилло-мефодиевскому направлению пришла мистико-аскетическая традиция византизма на Руси. В период ордынского ига она подавила теолого-рационалистическое направление, более соответствуя умонастроениям лихолетья, способствуя укреплению православия и сплочению общества в тяжелые годы. После победы на Куликовом поле в 1380 г. постепенно происходит возрождение религиозно-философской мысли в том числе и на рационалистической основе. С привлечением богатой источниковой базы В.В. Милькову удалось наглядно показать, что религиозно-философ-

ская мысль на Руси в XI-XV вв. имела черты национального своеобразия, которые менялись от столетия к столетию, при этом отражая внутренние и внешние факторы идейного развития страны. Предложенная им концепция соотношения религиозно-философских традиций оригинальна и, насколько известно, нова.

Важным также является вывод В.В. Милькова о том, что существующие методологические подходы, продуктивно использовавшиеся С.С. Аверинцевым, А.Я. Гуревичем, В.В. Соколовым и др., могут быть применимы лишь отчасти к древнерусским религиозно-философским процессам. Опираясь на идеи историков древнерусской мысли (В.Ф. Пустарнакова, В.С. Горского, М.Н. Громова), В.В. Мильков разработал собственные методологические принципы интерпретации источников, которые обеспечили ему адекватный историко-философский анализ исследуемых материалов. Более того, его метод комплексного исследования оказался плодотворным при изучении естественнонаучных представлений Древней Руси.

В качестве примера можно сослаться на недавнее открытие в области истории математики. Исходя из своей концепции древнерусской религиозно-философской мысли, В.В. Мильков выделяет XV-XVI века в качестве периода возрождения интеллектуализации древнерусской мысли. Руководствуясь этой установкой, можно было ожидать появления в ближайшее к указанному время на Руси интереса к математизации общественной жизни в какой-то форме. И действительно, как удалось установить, в основу возникшей в конце XIV в. новой пасхальной азбуки (в историографии неточно именуемой «греческой»), был положен стандартный «цифровой алфавит», по которому обучали древнерусские «буквенным» цифрам (11, с. 87-88). Любая пасхальная азбука содержит 35 знаков - по числу дат Пасхи от 22 марта по 25 апреля (по старому стилю).

Пасхальная азбука является базой, на которой основана годичная служба православной Церкви. Славяно-русская цифровая пасхальная азбука воочию свидетельствует о том, что в конце XIV в. русская Церковь стала в большей степени ориентироваться на математику в организации литургии, чем прежде, тем самым отходя от мистико-аскетического направления в сторону рационализма. Как видим, общие выводы В.В. Милькова подтверждаются новейшими достижениями в области смежных дисциплин.

Следует отметить высокую научную ценность исследований В.В. Милькова по религиозно-философской мысли Древней Руси XI-XV вв. На протяжении многих лет он энергично разрабатывает по существу новое направление в истории древнерусской мысли, благодаря его стараниям значительно сокращается отставание историко-философской науки от других дисциплин, изучающих Древнюю Русь. Направление в науке, которое развивает В.В. Мильков, имеет не только внутрirosсийское, но и большое международное значение. Поэтому результаты его исследований имеют важный практический смысл, особенно для полемики со сторонниками «невегласия» Древней Руси.

Работы В.В. Милькова не изолированы от общего процесса изучения Древней Руси, которое в последнее время активизировалось. Об этом, в частности, свидетельствует выход монографии Е.Л. Конявской, посвященной авторскому самосознанию древнерусского книжника (12). И подтверждается тем фактом, что с 2000 г. начинает выходить новый научный журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики».

Возвращаясь к проблеме, представленной в заголовке настоящей статьи, следует подчеркнуть, что исследования В.В. Милькова воссоздают наиболее адекватно религиозно-философское «пространство» Древней Руси и поэтому будут способствовать совершенствованию методологии изучения древнерусской символики.

Библиографический список

1. **Мильков В.В.** Основные направления религиозно-философской мысли Древней Руси XI-XV вв. Дисс. в форме научн. доклада... доктора философских наук / Ин-т философии РАН. М., 2000. Здесь приводится список опубликованных работ В.В. Милькова.

2. **Бужинский Г.** Доброхотному истории любителю // Стратеман В. Феатрон, или позор исторический. СПб., 1720.

3. **Чаадаев П.Я.** Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2-х тт. М., 1991. Том 1.

4. **Кавелин К.Д.** Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.

5. **Шпет Г.Г.** Сочинения. М., 1989.

6. **Thomson Fr.** Quotations of patristic and Byzantine works by Early Russian authors as an indication of the cultural level of Kievan Russia // Slavica gaudensia. Gent, 1983, № 10.

7. **Парфененков В.О.** Древнерусское сочинение XII века «Вопрошание Кирика»: история текста. Автореф. дисс... кандидата исторических наук. СПб., 1999.

8. **Hellie R.** Late Medieval and Early Modern Russian Civilization and Modern Neuroscience // Московская Русь (1359-1584): культура и историческое самосознание. М., 1997.

9. **Иванов Вяч. Вс.** Нейропсихологические модели и возможность их применения к истории русской средневековой культуры // Московская Русь (1359-1584): культура и историческое самосознание. М., 1997.

10. **Прохоров Г.М.** Памятники переводной и русской литературы XIV-XV веков. Л., 1987.

11. **Симонов Р.А.** «Греческая» пасхальная азбука - древнерусской неупорядоченный «цифровой алфавит» XIV века // Материалы 40-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и научных сотрудников / Московский гос. ун-т печати. М., 2000. Часть 2.

12. **Конявская Е.Л.** Авторское самосознание древнерусского книжника (XI - середина XV в.). М., 2000.